

Денис Евстигнеев: «Хотелось бы всех сохранить...»

Маленькая справка. Евстигнеев Денис Евгеньевич, род. в 1961 году, в 1982-м окончил операторский факультет ВГИКа. Снял фильмы «Осень в Чертаново» (реж. И. Таланкин, 1986), «Слуга» (реж. В. Абдрашитов, 1988), «Армавир» (реж. В. Абдрашитов, 1991), «Такси-блюз» (реж. П. Лунгин, 1991), «Луна-парк» (реж. П. Лунгин, 1992). За фильм «Слуга» удостоен последней в истории этой награды Государственной премии СССР, за «Такси-блюз» получила премию «Ника». Первый фильм «Лимита» удостоен приза Кинопрессы — за лучший режиссерский дебют. Только что получил приз «За лучший дебют Европы 1994 года» — на фестивале в г. Анже.

Сейчас вместе с писателем Михаилом Веллером начал работу над сценарием нового фильма, где есть криминальные и мелодраматические элементы. После «Лимиты», вызвавшей огромное количество откликов, возбудил повышенный интерес широкого круга профессионалов и любителей кино, — дело по нынешним временам почти невероятное.

— Ваш случай (переход из операторов в режиссеры) по-прежнему обсуждается, будто вы обрели благосостояние, а потом вдруг бросились в авантюру с непредсказуемыми результатами. Разговоры скорее благожелательные, но все же — почему вы рисковали?

— Лет с четырнадцати я был киноманом. Настоящим. Пересмотрел, кажется, все фильмы. Это было тайной для мамы (Галины Волчек. — А. Ш.): я не ходил в школу, бегал в «Иллюзион», каждый день, на все сеансы. Каким-то странным образом пробирался на просмотры знаменитых большевских семинаров. Однажды мы с Юлием Гусманом поставили рекорд на Московском фестивале — посмотрели 72 фильма. У нас были простыни со стрелками: куда идем, что смотрим. В 7 утра — первый фильм, в 11 вечера — последний. Это все смешно. Но я мечтал

Андрей ДАНИЛОВ

только о кино и хотел быть только режиссером. Идти во ВГИК на постановочный сразу после школы — самонадеянно, по крайней мере. Я поступал на операторский. И меня, естественно, принимали. И не из-за родителей, а скорее из-за деда (оператора Бориса Волчека. — А.Ш.). Меня не могли не принять. И сейчас, если бы я преподавал во ВГИКе, а поступал бы, например, внук Паши Лебешева, я бы не мог его не взять. Из человека, выросшего в этой среде, можно что-то вылепить быстрее, чем из пришедшего с улицы. Хотя, конечно, и с улицы приходят очень талантливые люди.

Я очень люблю операторскую работу. Это единственная в прямом смысле профессия в кино: есть конкретная задача, есть реальный способ ее исполнения. Я снял картины с Павлом Лунгиным и Вадимом Абдрашитовым, очень для меня дорогие. Но когда-то я наметил, что в 30 лет это закончу. И тут мне «повезло».

Именно в мои 30 наступил абсолютный вакуум. Когда вдруг ничего не стало. Звонят люди и предлагают снимать какие-то детективы: в лучшем случае — иностранные, в худшем — наши кооперативные. Предлагают хорошие деньги, но открываешь эти сценарии... Мне показалось, просто стыдно этим заниматься. Потом начались клипы. Их можно делать хорошо. Но у меня была другая цель. В общем, все совпало: и эта ситуация, и мое желание, и тридцать лет.

— Трудно ли дался переход из одного качества в другое? И как складывались отношения с Сергеем Козловым, снявшим «Лимиту», ведь вы сами прекрасно знали, что и как делать оператору?

— Выбор был мучительным. Был сценарий, был уже какой-то фильм в голове. Мне кажется, у режиссера единственный путь — найти нужных людей. Если ты правильно выбрал команду — это твоя победа. Снимают — они, и вопрос в том, чтобы подтолкнуть в ту сторону, в которую надо.

Что касается Сережи... Мне понравилось то, что он снимал раньше. Это совершенно не мое. Наверное, поэтому я его пригласил. Оператор всегда может обмануть режиссера, а меня обмануть невозможно. Знал одно: я ему доверяю. Клянусь, я ни разу не посмотрел в глазок камеры. Может, это плохо, комплекс какой-то. Но я не хотел его обижать, он тоже был в сложной ситуации. Он — оператор, который думает и работает абсолютно в другой плоскости.

— Мне кажется, что у Козлова — какая-то заразительная холодность при полном самоконтроле, а ваши работы предельно эмоциональны.

— Мы из разного выросли. Я — из Рерберга, «Дворянского гнезда», ранних лебешевских фильмов. Когда я снимал сам, мне хотелось, чтобы все было абсолютно достоверным, простым, естественным. Сережа — из видеоклипов. Его поколение — это люди, которые все выстраивают,

на первом месте. Сейчас кино приходит к придуманности, не в смысле сценария, содержания, а в изображении: искусственный цвет, выстроенный правильно. Это становится миром зрителя, его реальностью. Поэтому даже в «нормальном», бытовом кино должно быть какое-то смещение. И «Лимиту» — фильм из современной жизни, о наших проблемах, мне не хотелось делать в обычном, советском ключе.

— О фильме очень много писали, в том числе и на страницах «ОГ», но почти ничего не говорилось о вашей команде, кроме того, что она модная.

— Я мечтаю снова работать с нашей группой. Не люблю сумасшедшей киношной атмосферы на площадке. Ненавижу, когда орут: почему не пришел грузовик. В нашей команде этого не было. Мне бы хотелось всех сохранить. Это тяжело. Жизнь диктует свои законы. Я имею в виду — финансовые. Кино — далеко не обогащающее занятие, особенно у нас. Но, когда погиб Сережа Мажаров, многие позвонили и сказали: если будут какие-то сложности с новой картиной — все равно готовы работать. Я горжусь этим.

— Сергей Мажаров был продюсером вашей картины и близким другом...

— Его убили через день после премьеры. Это трагедия. Мы дружили с 11 лет. Много было всего, включая фильм. Осталась строчка в титрах, осталась картина как нечто материальное: он много сделал для меня. Был сложный момент, когда в Париже мы работали над монтажом. Получалась фантастическая ерунда. Мы сели вторым: Сережа, Ираклий Квирикадзе и я — в 8 часов вечера и разогнулись в 8 утра. Эта ночь сделала фильм. Мы с Ираклием придумали какую-то завлекательную рамку, как в американских картинах. Сережа тогда сказал: забудьте о деньгах, пусть это будет не кассовое кино, а то, что хотели с самого начала. Он убедил нас. Он был талантли-

вый человек, в нем была какая-то сила, он знал, чего хотел, и доводил свою идею до финала.

— Потери, потери. Не хочется заканчивать на грустной ноте. Ведь уже три года, как нет Евгения Александровича, вашего отца. И это до сих пор не укладывается в голову. Если можно, вспомните, как складывались ваши отношения? Каким он был?

— Конечно, у меня были комплексы в юности, как у любого человека, который идет по той же дороге, что и родители. Я стеснялся его, я пыхтел, сопел, краснел, когда говорили: вот сын Евстигнеева, какой прекрасный мальчик, какой большой. Мне это было неприятно. Была такая искусственная отстраненность, я как бы сам это делал. Года за два до его смерти отношения несколько изменились. Я уже встал на ноги. Мы уже стали почти на равных. Я бы даже сказал: точно на равных.

Он никогда не учил меня жизни, не наставлял, сидя вечером под настольной лампой: в искусстве надо быть честным. Не было этого, и слава Богу! Но какие-то фразы, разговоры, встречи. Наверное, гены (я не о таланте, а о характере). Для меня он был просто отцом.

Он был очень замкнутым человеком. Именно поэтому он мог сыграть все. Почему он сыграл Плейшнера, старого немецкого аристократа-ученого, когда сам он родился в такой дыре, под Горьким? Откуда он все это знал: как носить костюм, как ходить, как оттопыривать палец? Он был настоящий актер.

Он был закрыт. Есть люди, которые любят жаловаться на жизнь. А он на вопрос «как живешь?» отвечал: нормально. Все — внутри. От этого четыре инфаркта. Я похож на него, иногда ловлю себя на том, что дам близкому человеку не могу сказать, что со мной творится.

Беседовал Андрей ШЕМЯКИН